

6.2. Социально-топографическая и планировочная структура полоцких посадов (Д. В. Дук)

Посады – место основного поселения торгово-ремесленного населения – в рассматриваемый период стали играть доминирующую роль в развитии хозяйственной и социокультурной жизни Полоцка. Важное значение «торга», или «места», неоднократно подчеркивалось историками в определении социотопографической структуры древних городов [Тимошук, 1995, с. 107]. Торговую площадь на посаде и всю территорию города называли «местом». На территории возле торговой площади полочане возвели ратушу – административный центр магдебургского города. В XV в. «мещанами» называли жителей города, которые занимались торговлей [Макараў, 2008, с. 64]. «Мещане», или «местичи», в Полоцке впервые упомянуты в интитуляции городских обращений под 1435, 1458 и 1459 г. [Полоцкие грамоты ... , 1982, вып. 4, с. 150, 179; LVIA, f. 599, ap. 1, b. 43, l. 14at.; Rohdewald, 2005, p. 103].

Главная площадь Полоцка была расположена возле Верхнего замка, вблизи Черного ручья. Она же с XII в. являлась местом вечевых собраний. На этой территории в первой половине XVI в. существовал городской рынок – «Великий торг». Рядом с площадью располагался храм на рву (церковь

Рождества Христова XVI–XVII вв.). После начала строительства иезуитского коллегиума в 1581 г. торговая площадь была перенесена на восток, в район современной пл. Свободы.

В 1498 г. Полоцк получил Магдебургское право. Для социальной топографии города это означало изменения в строительстве и планировке городской территории (возведение ратуши и зданий общественного назначения, перенос городской площади, регламентацию гражданской частнособственнической застройки).

Мещане отвечали за поддержание в порядке городских оборонительных укреплений, дорог, зданий гражданского назначения, мостов). Последняя категория недвижимых артефактов археологически не изучена по причине сложности организации подводных археологических исследований. Это направление в будущем может стать очень перспективным, поскольку р. Двина в пределах городской территории очень статичная, в ее русле попадают многочисленные артефакты, которые по количеству далеко превосходят возможности традиционной «наземной» археологии. Кроме этого, вода отлично консервирует металлы и дерево, что позволяет надеяться на открытие остатков подводных деревянных конструкций причалов, мостов и даже средств передвижения.

Согласно привилею на подтверждение своих прав и вольностей от 11 марта 1633 г., Полоцк оставался основным торговым центром региона, поскольку заниматься торговлей можно было только в самом «великом городе Полоцке», а в предместьях «рынков, торгов, магазинов, мер весов как публичных, так и частных никто не мог иметь» [Доўнар, 2004, т. 1, с. 46–47]. В привилеях 1580, 1591, 1633 г. говорится о двухнедельной ярмарке, которая начиналась от католического праздника Трех королей и продолжалась до дня апостолов Петра и Павла [Доўнар, 2004, т. 1, с. 47].

Как и в других крупных городах, торговля в Полоцке была организована по рядам, возможно, каждый ряд имел своего старосту [Варонін, 2003, с. 35]. В актовых книгах размещены интересные сведения о местоположении городского рынка. Так, в XVII–XVIII вв. с рынка возможно было попасть на ул. Ильинскую, Боровую, Невельскую, безымянную около подножия Верхнего замка. Ул. Батечковая и ул. Ильинская проходили через рынок. Рынок в 1704 г. имел «большой магазинный ряд» и «большие ворота», которые были расположены со стороны иезуитского коллегиума, вероятно, по трассе ул. Батечковой.

Упоминание ул. Невельской в книге городского магистрата 1779 г., которая расположена «по направлению от рынка», противоречит планам 1778 и 1793 г., на которых территория рынка с севера ограничена доминиканским монастырем [Страчаная спадчына, 1998, рис. 243–244], а такое межевание по письменным источникам известно с конца XVII в. [ИЮМ, 1875, вып. 6, с. 245]. К тому же начало ул. Азаровой в магистратских книгах определяется от Нижнего замка. Вероятно, в актовых книгах начало обозначенных улиц от Нижнего замка означало тоже, что и от рынка, это значит, попасть на их с запада, обойдя рынок, было невозможно.

В начале XIV в. в состав Великого посада входит старое городище. В деле о продаже двух дворов от протопопа Богдана Яцковича воеводе Альбрехту Гаштольду, речь идет про новый паркан Великого посада, который огораживал городище вместе с прилегающими территориями и был построен в 1516 г.

В Полоцком земском привилее 1547 г. упоминаются церкви св. Софии, св. Спаса и другие «церковные дома». По данным археологии, на Полоцких посадах в XII–XV вв. существовали две каменные церкви – это так называемые «церковь на рву», известная из письменных источников XVII в. под названием Рождества Христова, и церковь на так называемой стрелке Нижнего замка [Дук, 2007г, с. 44; Раппопорт, 1980, № 3, с. 155]. Согласно инвентарю 1618 г., на Верхнем замке располагалась «деревянная старая церковь Благовещения Пречистой Богородицы» [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 308at.]. Также в рассматриваемый период на посадской территории размещалась церковь св. Иоанна Предтечи на Острове, а также Рижская (упоминается в 1406 г.), построенная где-то на территории Великого посада [Тарасаў, 1998а, с. 85].

По итогам археологического наблюдения за прокладыванием инженерных сетей в 2000 и 2007 г. на территории пл. Ф. Скорины и ул. Гоголя было определено, что культурный слой по трассе и районам, прилегающим к ул. Гоголя, отсутствует, а на юг от пл. Ф. Скорины, это значит на склоне второй надпойменной террасы, зафиксированы небольшие по мощности (до 1 м) культурные отложения с артефактами преимущественно XVIII–XIX вв. [Дук, д. № 2513; Дук, д. № 1880]. Таким образом, топографические границы Великого посада оставались очень устойчивыми в течение XIII–XVIII вв.

Согласно Полоцкой ревизии 1552 г., на левом берегу р. Двины существовали четыре посада: Островский, Экиманский, Кривцов и Слободской. Островский расположен напротив Верхнего замка в рукаве русла р. Двины, Экиманский – к западу от Острова, Кривцов – между устьем р. Бельчица и Островом, Слободской – при устье р. Бельчица, на правом ее берегу.

Начало становления левобережных посадов – Кривцова и Слободского – приходится на вторую половину XV в. Поселение (так называемая «слободка») на месте будущего Слободского посада существовала с XI в. Островской и Слободской посады упомянуты только в Полоцкой ревизии 1552 г., в письменных источниках следующих двух столетий они больше не упоминаются.

В первой трети XVII в. на левом берегу р. Двина существовал один посад, который имел название Кривцов. На этом посаде располагалось «местечко», в смысле «местность», Бельчицы-Кабак, или Бельчицкая слобода [Дук, 2007г, с. 33–38].

Наиболее удаленным от исторического центра Полоцка был Экиманский посад. Заселение Экимани началось во второй половине XV в. В отношении Экимани в середине XVI в. применяются одновременно названия «посад» и «предместье», в XVII в. используются названия «местечко» и «фактория». Это далеко не случайно. Экимань была передана Стефаном Баторием

иезуитскому коллегииуму, являлась вместе с Островом его крупнейшей юридикой и, по сведениям земских книг, с конца XVI в. имела статус полоцкого предместья, однако жители Экимани в XVII в. по-прежнему считались мещанами [Дук, 2007г, с. 33–38].

В 1622–1623 гг. мещане Кривцова посада вместе со слободскими стали подчиненными полоцкому магистрату.

Для маркировки локальной принадлежности населения Полоцка в середине XVII в. пользовались определениями «заполочане» (жители Заполотского посада), «заречане» (жители левобережной части Полоцка вообще), «кабачане» (жители местности Кабак). Кабачане по-прежнему выделялись отдельно из общего количества задвинского населения [Дук, 2007г, с. 33–38].

Таким образом, в Полоцке до начала XVI в. существовали два основных градосоздающих посада – Великий и Заполотский. Эти посады располагались на правом берегу р. Двина, Заполотский – к западу от устья р. Полота, Великий – к востоку от Верхнего замка. Оба посада были укреплены. Площадь Великого посада оставалась практически неизменной на протяжении XII–XVII вв. и составляла около 50–60 га, границы Заполотского посада существенно изменялись в сторону сокращения, что было вызвано частыми войнами с Московским княжеством. Однако вряд ли даже в самые неблагоприятные времена площадь Заполотского посада была менее 17 га. Именно на этом посаде в 1498 г. был основан первый в Полоцке католический монастырь бернардинцев. Суммарная площадь левобережных посадов в XVI в. достигала 40 га.

Топографическая структура левобережных посадов – Кривцова и Экиманского – была сформирована в начале XVI в. Упомянутые в Полоцкой ревизии 1552 г. Слободской и Островский посады в XVII в. юридически были отнесены к Кривцову посаду, став именоваться отдельными местностями. Эти территориальные единицы до образования левобережных посадов считались слободами, с течением времени они стали поселениями при монастырях Бориса и Глеба и Иоанна Предтечи.

Количество населения в городе росло за счет притока в него жителей после эпидемий и войн: город представлял широкие возможности для социальной мобильности отдельных граждан, купеческих или ремесленных корпораций [Котлярчук, 2001, с. 46].

Найденный в Полоцке сельскохозяйственный инвентарь (косы, оковки от лопат, мотыги) свидетельствует о характере занятий горожан в XVI–XVIII вв. В первой половине XVI в. известны случаи, когда крестьяне покупали зерно в Полоцке [Варонін, 2000, с. 50].

Для жителей белорусского города сельскохозяйственное производство являлось значительным дополнительным промыслом. Документы свидетельствуют, что полочане занимались сельским хозяйством и имели большие земельные наделы не только в отдаленных районах за р. Полота и вдоль нее, но и непосредственно возле городских укреплений. Например, в грамоте, которая датирована 1501 г., упоминается «огород подле замка» [Тарасаў, 1998а,

с. 6]. В приведенном сообщении речь идет об огороде за пределами Верхнего замка. Но и на территории самого замка тоже существовал монастырский огород при церкви св. Софии [ИЮМ, 1901, вып. 29, с. 18]. В источниках середины XVII в. упомянут огород Григория Рылковича, который находился «на улицы названной Невелской за парканом меским полоцким лежащий, з одной стороны подле огорода Ярмошы каваля а з другой стороны подле огорода Гаврылы Рослого зятя» [Актавая книга полоцкага магистрата 1650 г., 2006, с. 119] или «дом... за рекою Двиною стоящий, з огородом и с пашнею на полпляца лежащий подле церкви Светог(о) Миколы» [Гардзееў, 2004, т. 1, с. 52]. Актовая книга полоцкого магистрата за 1650 г. содержит ряд дел о продаже полочанами огородов, в том числе находившихся за р. Полота, видимо, на месте заброшенных к тому времени посадских застроек: «ку венцу межы огородовъ, то есть з обудвух сторон подле огородовъ пана Матыяша Кгедройца а с третее стороны подле огорода Подсвинковое а з четвертое стороны подле огорода моего ж, мене, Петра Исаковича...» [Актавая книга полоцкага магистрата 1650 г., 2006, с. 175].

Таким образом, за пределами городских укреплений Великого и Заполотского посадов, а также Верхнего замка существовали сельскохозяйственные угодья полочан, разделенные на отдельные участки-огороды. Огороды были обнесены забором из жердей или частоколом, и сами по себе являлись ценностью и даже объектом краж.

Существуют многочисленные прямые упоминания источников XVII в. о наличии приусадебных огородов и садов в границах городских укреплений как на Верхнем замке («погнался за женщинами *по огородамъ* при семь доме» [ИЮМ, 1874, вып. 5, с. 270], так и на полоцких посадах («стала стучать въ заднее окно, *съ огорода*» [ИЮМ, 1874, вып. 5, с. 278], «з одной стороны подле огорода пана Спирыда Курьбатовича, а з другой стороны заулочокъ малый на рогу противо огорода пана Матфея Гаврыловича, на улицы названной Великой», «ижъ огород свои власный... за парканом меским полоцким на улицы названной Батечковой на чверти пляца лежащий, з одной стороны подле огорода ихъ же, Ганских, а з другой стороны подле огорода пани Евдокии Мелешъковны Дороеевое Ахрамеевичовое, бурмистровое полоцкое, а в тыле подле саду славетного пана Ивана Михновича, бурмистра полоцког(о) ...» [Актавая книга полоцкага магистрата 1650 г., 2006, с. 89, 127].

Мещанское землевладение простиралось и далеко за границами городской территории, например, во второй половине XVIII в. полочанам принадлежало чуть больше тысячи десятин земли [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 64].

В письменных источниках 1667 г. упоминается городской сад, расположенный под самым городом за р. Полота [ИЮМ, 1895, вып. 26, с. 166–167]. За городом, вдоль р. Полота, размещались также и фольварки. На копии плана 1707 г. (рис. 3) отчетливо виден городской сад на север от Верхнего замка и напротив Нижнего замка, на правом берегу р. Полота. Чуть выше, на север от него, на правом берегу р. Полота размещались фольварки. Сегодня здесь расположен микрорайон города «Аэродром» и ул. Ф. Мироновой.

Согласно указу реляционного суда, бельчицкие жители из Кривцова посада, прозванного «Кабак», «люди простые» и «огородники», «которые купечеством и ремеслом никаким не занимаются, никаких вольностей и торгов городских не используют, одно только землю пашут ... не должны выполнять городских повинностей, кроме обороны, которая всем одинаково надлежит» [Доўнар, 2004, т. 1, с. 46]. В постановлении великокняжеского суда прямо указано на огородничество как на занятие, ограничивающее обязанности занимающихся им горожан. Постановление интересно еще и тем, что в нем фигурируют названия топографических объектов: Бельчицы, Кривцов посад, Кабак. Кроме того, очевидно, что значительное количество населения Кривцова посада составляли землепашцы.

Великий посад в XVI–XVIII вв. являлся самой значимой единицей в социотопографической структуре Полоцка.

Большинство жителей Великого посада XVI–XVII вв. по-прежнему жило в небольших деревянных строениях. Это можно объяснить высокой плотностью застройки. Согласно подсчетам В. А. Воронина, в 1552 г. на Великом посаде находилось 769 дворов [Варонін, 2000, с. 29]. Вместе с дворами шляхты, духовенства, еврейской общины и городской бедноты, которые не учитывались ревизорами, количество дворов могло быть значительно большим (по сведениям Лебедевской летописи на Великом посаде в 1563 г. сгорело 3 тыс. дворов) [Варонін, 2000, с. 29]. При этом часть посада была занята нежилыми помещениями (лавками, банями, важницами и т. д.).

Яркий пример описания усадеб с вещевым инвентарем Великого посада XVII в. содержат мещанские «протестации о кражах».

Так, Данила Лалыка жаловался 8 октября 1656 г. на Яраша Кожемяку, что тот, «живя в одном доме сполне с ним, Лалыкою, а подгледевшы у клети, где жона его, Лалыки, грошы свое ховала, таемным способом улезшы в тую клеть през верхъ тые грошы вси побрал» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 50].

В доме «аптекарки» Раины Рыдлицкой «кгды она, пани Рыдлицкая, варыво поставила в доме зятя своего пана Андрея Боровского, в склепе то ест капуста содоной, кружаную и сеченую ботвине, огурки, морков, репу и постернак, в том же склепе напиток ромного меду бочок две, в бочке одной кгарцов осмьдесят, в другой бочке было кгарнцов пятьдесят осмь, продавано кгарнец меду по дванадцат польских, пива бочку в кгарцов шестьдесят на потребу свою робленою з солоду пшонного, водки поземковой, барылка из других водок розных аптекарских, горелки простой кварта пятьсотъ и кварту купуючы по дванадцат польских. Аквавитовой горелки кварта двесте анышковой, кварту купуючы по золотому, тогда он [...] Наумович [...] копачом своим студню копал, в которой студне нашли рыну на шкоду ее, пани Рыдлицкой пересечы казал, тым копачом за которым пересеченемъ той рыны в скълеп воды немало нашло и тое варыво ромное од мала до велика поборочывали и ратовати не могли» (запись от 8 октября 1656 г.) [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 53].

Ян Яскевич 13 апреля 1657 г. жаловался на вора, который пытался влезть в его дом на ул. Великой, «влезшы через забор с тыла от венца р. Двины

в тот дом и добыв через тыльное окно коморы немало разных вещей и денег в шкафу, которые в той коморе хранились» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 345].

Мартин Счастный 29 апреля 1657 г. жаловался на кражу из его клетки: «не ведома хто тое ночи прышодшы до того дому их и взлезшы на клетъ з улицы Батечковой верхъ у той клетки продрал, а продравшы вси животы их и маетност убогую, што одноколвек было в той клетки з оного выбрал звыкрал, а напрод взято и украдено саяны тры, одинъ червонный фалендышовый, у которого уложили справуючы копь дванадцат, а два саяны зеленые люндышовые, стояли обадва копь десети, полчамарокъ полчамлетовый лазуровый епасаманами лазуровыми новокупленный з адвалевки и з а пят копеекъ, други полчамарок полчапълетовый поношоный блекстиный купълены за полкопы грошей, две трубы полотна беленого кужелного тонкого, полотна ровного кужелного тры трубы, сорочокъ пятнадцат женских неншоных, хуст ровных белых музъкихъ и женских. Кубел целый, выбран, полотна тонкого взято купленного за золотых сорок шест, флаш цыновых две, одна у кварту, а другая у две, шапка одна листсяя новая, верху синий, а другая куньяя, такожь верхъ синий, ложки две сталевые рызкие, кубки два цыновые, сребра зытокъ шмать великий, пры томъ справы дворовые и обликгъ на Ивана Хаврату на копь дванадцать» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 374–374об.].

Андрей Иванов, сын прапорщика Крацева, жаловался 1 мая 1657 г. на лавника Ивана Зимницкого «што дей стоял он, прапоршчык, у него, пана Зимницкого на дворе, и прыезджали к нему п[ану] Зимницкому на тот двор его торговые люди, да у него дей прапоршчыка от амбара печат оторвали и потравили воз сена, цена возу талер битый и чотыры алтыны, да к нему ж де Ивану Зимницкому прыезджали мужыки деревенские, и у него прапорщыка вкрали двои рукавицы, одним цена гывна, а другой пят алтын, да его ж Ивана Зимницкого молодцы сверху покрали полторы четверти сахарей, да рыбы на две гывны, да зъ сумокъ вынали горемого серебра, где было на чотыры талеры битых, да с тех же сумокъ взяли рукавицы палчастые козлинные [...], цена им полполтины [...], о пистол, што дей внуки его (Зимницкого. – Авт.) на лавки играли и его пистол на землю сранили и ложу тое пистолы переломили, да его ж де внука унестла зеркало его [...], а цена тому зеркалу гывна» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 380].

Одежда которая была у жены мещанина Степана Цитовича (15 мая 1657 г.), хранилась в «скрынце» «где напервей видели полчамарок турецкого мухаиру, саян фалендышу вишневого кшталт аксамитный, доломан фалендышовый лазуровый, фартухъ селезневой китайки, шапъка аксаматна червона женская о кгонками собольими обложона, корунки серебряные, престирадло зъ лиштвами сетковыми, поес гарусу зеленого, нажранги синие люндышовые, шапъ катабинку черного, соболцом опушона, кштал чорный адамашковый, пры том розные хусты, белье, чога не личыли» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 404 об.].

Важнейшим элементом городской застройки являлись сооружения культового назначения. В первой половине XVI в. еще сохранилась большая

часть монументальных православных церквей – памятников полоцкой школы зодчества XII в. (около 10). По данным Полоцкой ревизии 1552 г., в городе находились не менее чем 21 православная церковь, представляя в большинстве своем деревянные постройки [Варонін, 2000б, с. 253]. Отдельно подчеркнем, что в ревизии не отмечены церкви, которые размещались в двух старейших полоцких монастырях – Бельчицком Борисоглебском и Спасо-Евфросиньевском, а это по меньшей мере 5 каменных храмов.

В соответствии с Полоцкой ревизией 1522 г. на Великом посаде Полоцка находились церкви Афанасьевская, Богословская, Богоявленская, Благовещенская, Ильинская, Михайловская, Пятницкая, Рождества Христова, Вознесения Христова и Юрьевская (св. Георгия). Локализация церкви св. Василия и Пречистенской (Богородицкой ?), а также св. Троицы и св. Спаса «на рынке» в Великом посаде очень вероятно [Варонін, 2000а, с. 253; 2009а, с. 165, 167].

Возможно, Пятницкая церковь с 1552 по 1559 г. была преобразована в одноименный монастырь [Варонін, 2003, с. 36]. Церковь Рождества Христова локализована согласно археологическим и письменным данным [Дук, 2007г, с. 44]. Видимо, до 1563 г. церковь была кирпичной, во второй половине XVI в. она упоминается как деревянная [Варонін, 2000, с. 166]. При ней в XVII в. находился цвинтарь. Церковь существовала до третьей четверти XVII в., время ее разрушения приходится приблизительно на 1660–1670 гг. Так, в грамоте Яна III об утверждении привилея кожевенному и кушнерскому цеху Полоцка от 26 марта 1683 г. цеховая братия должна была давать по 3 фунта воску в церковь св. Софии вместо «разоренной церкви Рождества» [ИЮМ, 1875, вып. 6, с. 296–310].

Одна из церквей – Благовещенская, упоминается на территории Нижнего замка в 1622 г. [Витебская старина, 1883, т. I, с. 227]. Возможно, в этом сообщении речь идет об одном из храмов XII в. – церкви на стрелке Нижнего замка.

После 1579 г. (возврата Полоцка в состав ВКЛ) большинство каменных православных храмов находилось в руинах. С этого времени вместе с ослаблением позиций православной церкви, обусловленным передачей иезуитам абсолютного большинства имущества православных монастырей и церквей, распространением униатства с 1596 г., а также кризисом самой православной церкви, шло развитие деревянного, преимущественно католического, культового зодчества.

Согласно Паулю Одеборну, в Полоцке 1581 г. существовало три каменных церкви. Одеборн отмечает, что «третий храм, украшенный на итальянский манер, даже сейчас обращает на себя внимание. Остальные разрушил великий князь московский Иван Васильевич, когда восемнадцать лет тому назад, захватив Полоцк, получил его в свои владения» [Сагановіч, 2005, т. 12, сш. 1–2 (22–23), с. 182]. Возможно, что каменный храм, украшенный на итальянский манер, это Церковь св. Софии. Ее величие удивляло многих иностранцев, например, Р. Гейденштейн заметил, что «храм в замке величественный, на красивой местности и прекрасно построенный из камня». Что

касается остальных двух храмов, то это могли быть церкви, расположенные в самом городе, поскольку в это время достоверно известно о существовании, кроме церкви св. Софии, Пятницкой и Борисоглебской церквей в Бельчицком монастыре, Спаса-Преображенской церкви в Спасо-Евфросиньевском монастыре (все вместе – уже четыре храма). Поэтому, возможно, Одерборн имел в виду церкви, расположенные непосредственно в городе, однако какие? Ранее уже было упомянуто о существовании церкви Рождества Христова, которая, возможно, на момент описания Одерборна была каменной (или частично каменной) [Дук, 2007г, с. 210]. На верхнем замке в это время сохранился только один каменный храм. Значит, третья каменная церковь находилась либо на Великом, либо на Заполотском посаде. Точно определить ее местоположение не возможно.

В соответствии с Дарственной Грамотой Стефана Батория на основание в Полоцке иезуитского коллегияума от 20 января 1582 г., в городе располагались церкви Вознесения Христова, Благовещения, Пятницкая. Основная часть вышеуказанных в грамоте монастырей и церквей располагалась либо на Верхнем замке (монастырь св. Петра, Вознесения Христова (Мошоночный), церкви св. Николая, св. Дмитрия), либо на Острове (монастырь св. Иоанна Предтечи), либо за границами посадской территории (монастыри св. Спаса, св. Михаила Городецкого, св. Козьмы и св. Демьяна, св. Николая на Полупяте, церковь св. Николая на Лучно). Неопределенной остается локализация церкви св. Очищения или Сретенской [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 73]. Также в 1588 г. упоминается церковь св. Спаса «у месте Полоцкомъ на посаде Великом» [Тарасаў, 1998а, с. 173]. Все Полоцкие церкви и монастыри были переданы иезуитам и стали униатскими.

Выписка из инвентаря полоцких церквей 1618 г. свидетельствует о существовании в городе 15 церквей, из них три находились в пределах монастырей:

- 1) св. Софии в замке, «старая каменная»;
- 2) Благовещения Пречистой Богородицы, деревянная, старая;
- 3) Рождества Христова «в месте под Замком стоячая»;
- 4) св. Троицы;
- 5) св. Спаса «в рынку»;
- 6) св. Пророка Ильи «на улице на посаде»;
- 7) Вознесения Христова «на улице на посаде»;
- 8) св. Козьмы и св. Демьяна;
- 9) Св. Духа за р. Полота;
- 10) св. Петра на предместье Невельском;
- 11) св. Юрья «в поле» (св. Георгия ?);
- 12) св. Иоанна Предтечи за р. Двина «на посаде», монастырь «в поле вверх по р. Двина над рекой Бельчицей»;
- 13) св. Бориса и Глеба, каменная;
- 14) св. Пятницы, каменная, там же в монастыре;
- 15) Пречистенская, новопостроенная, деревянная, там же [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 308at.].

Таким образом, в 1618 г. из всех церквей, упомянутых в Полоцкой ревизии 1552 г., на Великом посаде сохранились церкви Рождества Христова, св. Пророка Ильи, Вознесения Христова и, возможно, св. Юрья. Последняя локализована «в поле», что значит либо за пределами Великого посада, либо указывает на сокращение площади посада.

В XVII в. на посаде была локализована указанная выше каменная церковь Рождества Христова и «брусная, рубленая в двадцать стен» Богоявленская вместе с одноименным монастырем (основан в 1633 г.) [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 278; ИЮМ, 1875, вып. 6, с. 352]. Богоявленская церковь на долгое время стала единственным православным храмом в Полоцке.

Согласно записям актовой книги за 1656–1657 гг. на посаде существовал цвинтарь и костел св. Христа, который был размещен «идя по улице Пробойной с рынка в Плиговках», местности напротив острога Верхнего Замка.

В 1646 г. на рынке продолжала существовать уже униатская церковь св. Спаса (впервые упомянутая в 1618 г.), которая позже сгорела во время пожара. Митрополит Антоний Селява назначил настоятелем этой церкви и церкви св. Георгия за городом Василия Никифоровича [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 208–209].

Согласно плану Полоцка 1707 г., на Великом посаде были расположены Богоявленская церковь и церковь, находящаяся рядом с ул. Пробойной; на север от площади находился доминиканский собор, на запад – иезуитский коллегиум (фото 8). В 1733–1745 гг. был построен иезуитский костел Рождества Святейшей Девы Марии (освященный в 1833 г. во имя Николая Мирликийского), в котором как и в Софийском соборе проводились сеймики шляхты [Гліннік, 2001, с. 202].

На копии того же плана с дополнениями (рис. 3) на юг от доминиканского монастыря изображена постройка с двускатной крышей и башней-колокольней с западной стороны.

По мнению А. А. Барановского, эта постройка является францисканским монастырем. Условность размещения обозначенных топографических объектов на обоих планах, как уже было отмечено, на копии плана 1707 г. встречается ошибка даже при определении здания под № 6 (бернардинский монастырь вместо доминиканского) [Дук, 2007г, с. 40–41]. Точно определить принадлежность этой постройки в настоящее время невозможно.

В 1785 г. в Полоцке появился второй после Богоявленского православный приходской храм. В него была преобразована деревянная кладбищенская церковь Покрова Богородицы, построенная на «форштате» в 1781 г. В конце XVIII в. в Полоцке было уже три православных храма – Богоявленская и Екатерининская (с 1785 г.) церкви Богоявленского монастыря и приходская Покровская церковь. С 1780 по 1804 г. каменная Богоявленская церковь фактически совмещала функции монастырского и городского собора [Гліннік, 2001, с. 201].

Заметим также, что либо в восточной части современной пл. Свободы, либо в районе западного участка современного пр. Ф. Скорины с середины

XVI до середины XVII в. размещался кальвинистский сбор. Он находился непосредственно на рынке, на противоположной стороне от иезуитского коллегиума, что и обусловило дальнейшую «латинизацию» рыночной площади и образование новой урбанистической структуры Полоцка, в дальнейшем активно развитой иезуитами [Baranowski, 1994, t. 39, z. 1, с. 28, 32]. Храм существовал до середины XVII в.: был сожжен в 1660 г. Согласно описанию под 1635 г., он имел большие ворота, новый дом с двумя комнатами (одна из них столовая), сени, кладовую, хозяйственные постройки. В комнатах были лавки, поставленные по периметру, две белые печи с зелеными изразцами и одна черная для выпекания хлеба [Иванова, 1992, с. 26].

После войны России с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) иезуиты вернулись в Полоцк. На месте коллегиума они увидели дома мещан, построенные за время пребывания в городе русского войска. Иезуиты начали отстраивать на месте прежнего костела «скромный коллегиум» и фарный костел, а напротив, через рынок, на месте бывшего кальвинистского сбора, – второй костел Франциска Ксаверия. Последний, по свидетельствам письменных источников, сгорел во время пожара в 1754 г. [Baranowski, 1994, t. 39, z. 1, с. 30, 32].

Во второй половине XVIII – начале XIX в. город переживает настоящий строительный бум, в это время возводится комплекс каменных католических монастырей, зданий гражданского назначения, формируется архитектурный ансамбль центральной рыночной площади в барочно-классическом стиле. В это время в Полоцке появились каменные ансамбли францисканского, доминиканского, базилианского и бернардинского монастырей вместе с костелами. В стиле Виленского барокко на месте взорванного в 1710 г. храма возводится Софийский собор (1738–1750 гг.), в середине–второй половине XVIII в. появляются каменные здания иезуитского коллегиума вместе с костелом св. Стефана, возводятся жилые корпуса Братской школы вместе с православной Богоявленской церковью, строится дом генерал-губернатора и ряд других общественных построек. Абсолютное большинство перечисленных строений было возведено в то время, когда Полоцк входил в состав Речи Посполитой. По масштабам каменного строительства XVIII в. это время можно сравнить с эпохой расцвета полоцкой школы зодчества, изменилась только идеологическая окраска: раньше исключительно православное, теперь это было уже преимущественно католическое зодчество. Тем не менее Полоцк в конце XVIII в. стал городом с развитой европейской системой застройки центральной части города, что свидетельствует не только о высоком уровне развития культуры, но и о соответствующем экономическом фундаменте таких широкомасштабных проектов.

Отдельно следует сосредоточить внимание на существовании в Полоцке костелов, построенных иезуитами. С 1580 по 1600 г. иезуиты проводили богослужения в старом деревянном костеле св. апостолов Петра и Павла на Верхнем замке. Этот костел неоднократно отстраивался в 1676–1677 гг. и в 1728 г. В 1597–1600 гг. иезуитами был построен деревянный костел на территории коллегиума, который с разными перестройками просущество-

вал до 1733 г. В 1733–1738 гг. костел был возведен из кирпича и освящен в честь Рождества Святейшей Девы Марии [Paszenda, 1996, с. 525].

Кроме названных костелов при полоцком рынке существовал деревянный костел св. Франциска Ксаверия. Первоначально этот костел размещался где-то в переулках территории Великого посада, в 1679 г. был возведен при рынке, а в 1754 г. был частично разрушен.

Упомянутый костел св. Креста возведен на посадской территории над р. Полота на участке, который принадлежал иезуитам. В 1655 г. во время войны перенесен московскими властями на новое место и вновь отстроен в 1687 г., реставрирован в 1736 и 1757 г. В 1674 г. возведен костел св. Казимира над р. Двина, в 1702 г. он был перестроен и переосвящен в честь св. Иоанна Крестителя.

Кроме упомянутых костелов в фольварке Спас и на фольварковых землях иезуитами было возведено два костела. Один из них, под названием Гроба Господнего (Grobu Panskiego), был из кирпича, имел цвинтарь и размещался в районе современного кладбища Ксаверия. Древняя Спасо-Евфросиньевская церковь была перестроена в костел Преображения [Гліннік, 2003, с. 66; Paszenda, 1996, s. 525].

Вектор культового строительства начал меняться после присоединения Полоцка к Российской империи (с 1772 г. правобережная часть города, с 1793 г. – весь город). В 1761–1779 гг. была возведена каменная православная Богоявленская церковь, а в 1781 г. за границами парка – деревянная Покровская церковь. Таким образом, широкого распространения каменное православное зодчество в Полоцке XVIII – начала XIX в. так и не получило [Гліннік, 2001, с. 199–200].

Кроме упомянутых храмов, на Нижнем замке в конце XVIII в. размещались три деревянных униатских церкви и православный монастырь [Географический словарь Российского государства, 1805, ч. 4, отд. 1, с. 1238].

Согласно М. О. Без-Корниловичу, Полоцк во второй половине XVIII в. являлся крупнейшим городом на территории Белорусских губерний по количеству униатского, католического и православного духовенства, по масштабам разветвленной торговли, по количеству монументальных памятников культового зодчества [Без-Корнилович, 1855, с. 93]. Заметим, что уровень экономического и духовного потенциала Полоцка в конце XVIII в. хорошо иллюстрирует тот факт, что в 1776 г. Полоцк стал губернским городом, а с 1778 по 1796 гг. являлся центром наместничества.

Великий посад имел обычную для средневекового города погонную застройку. На посаде селились мещане, шляхта и духовенство. С конца XVI в. и в XVII в. на территории Великого посада возможно локализовать усадьбы отдельных шляхетских родов Дорогостайских, Друцких-Соколинских, Щитов, Зеновичей, Селяв (рис. 83) [Дук, 2007г, с. 68].

К середине XVII в. сохранилось мало сведений о названиях полоцких улиц. Первое отраженное в письменных источниках название улицы датировано концом XIV в. Речь идет про ул. Богородицкую, которая размещалась где-то вблизи церкви св. Богоявления [Тарасаў, 1998а, с. 179]. Названия

отдельных полоцких улиц упомянуты в Полоцкой ревизии 1552 г. На Великом посаде обозначены ул. Великая, Подольная, Вознесенская и Вознесенский переулок (около церкви Вознесения Христова), Ильинская, а также «мещанский» Андронов переулок (рядом с ул. Великой и восьмой башней). В неопределенной части города упоминается ул. Пятницкая, возможно, размещенная около одноименной церкви на Великом посаде [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 8–9, 178]. Из этих улиц локализация только одной – Великой – точно выяснена: она была размещена на месте западного участка современной ул. Нижнепокровской. В 1570 г. упоминается ул. Пословская «в Якимове початку».

На плане Полоцка 1910 г. обозначены названия улиц, которые упоминаются в актовых книгах середины XVII – XVIII в., среди которых Пробойная, Вознесенская, Невельская, Азаровская (Азаровая), Спасская. Есть все основания полагать, что эти улицы в XVII – начале XX в. были размещены на одних и тех же местах под одинаковым названием. Исключением является ул. Вознесенская.

Так, ул. Пробойная пролегла с севера на юг внутри городских укреплений. Естественными границами начала и конца этой улицы являлись с юга – р. Двина, с севера – р. Полота.

Изображение этой улицы есть на планах начала XVIII в. (рис. 3). Улица проходила вдоль рва и вала Нижнего замка, вела в сторону Спасо-Евфросиньевского монастыря. Она прекратила свое существование в конце XVIII в., когда произошла перепланировка города.

Ул. Вознесенская, которая на плане 1910 г. (рис. 5) пересекала ул. Нижнепокровскую, в XVII–XVIII вв. размещалась параллельно ул. Великой. Она получила название от церкви Вознесения Христова, которая упоминается в Полоцкой ревизии 1552 г. «в месте» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 9, 21, 176]. На современной карте Полоцка это соответствует территории между пр. Ф. Скорины и ул. Нижнепокровской.

Согласно записям в актовой книге полоцкого магистрата 1656–1657 гг., ул. Вознесенская имела выход на ул. Пробойную, размещалась «в тыле ратуши и гостиного дома», рядом с «пляцами сборовыми» и рынком. В магистратской книге упоминается дом «на улицы Вознесенской, на кгрунте меском до ратуша полоцкого належачом стоячий, толко самый будынокъ на полчверти пляца збудованый, з одного боку подле дому Войтеха Закревского, а з другого огорода и кгрунту тежь меского в тыле самого ратуша и дому гостинного будучого» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 348].

Многочисленные дела в актовой книге 1656–1657 гг. фиксируют наличие огородов и усадеб полочан между ул. Великой и Вознесенской. Одна из таких усадеб исследована археологически. Ул. Вознесенская пролегла около «площадей сборовых» (бывший кальвинистский сбор), также около ратуши и гостиного дома. Это является прямым подтверждением размещения полоцкой ратуши в южной части современной пл. Свободы на месте дома генерал-губернатора. Именно это здание было возведено в конце XVIII в. на месте трех отдельных каменных построек и было расположено около

ул. Пробойной напротив упомянутого в магистратской книге 1656–1657 гг. пляца на ул. Вознесенской. Таким образом, ул. Вознесенская проходила с южной стороны от ратуши, здание которой фасадом было повернуто на север, в сторону рынка.

Важным изобразительным источником, который дает представление о внешнем виде этого важнейшего элемента городской инфраструктуры магдебургского Полоцка, является икона св. Николая из фондов НПИКМЗ. Икона датирована серединой XVIII в. [Ярошевич, 2009, с. 19] и, вероятно, происходит из Экиманской церкви св. Георгия, в которой упоминается икона св. Николая «в больших размерах, с серебрянными шатами, древнего рисования» [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 114]. Связь многих икон коллекции НПИКМЗ из униатской Георгиевской церкви в Экимани уже была определена искусствоведами [Ярошевич, 2009, с. 19].

Изображение святого размещено на фоне города с выразительной барочной застройкой. Обозначенные здания могут быть соотнесены с Софийским собором, иезуитским коллегиумом и полоцкой ратушей. О том, что на иконе отражено именно здание ратуши, свидетельствуют, во-первых, его архитектурные особенности, во-вторых, расположение здания за стеной рынка.

Для ул. Невельской и ул. Спасской, которые были размещены параллельно р. Двина (направление восток–запад), естественной границей с запада являлся природный ров возле основания Нижнего замка, который выразительно прослеживается на планах XVIII в. [Тарасаў, 1998а, с. 57]. То же можно отметить и для ул. Азаровой. С востока развитию этих улиц мешал посадский паркан, однако ул. Невельская и ул. Спасская пересекали посадские укрепления и за границами паркана превращались в тракт.

Ул. Невельская расположена напротив Невельских проездных ворот (запись в актовых книгах 1650 г. и 1656–1657 гг.). Эта улица выходила за границы крепостной стены, где вокруг нее в XVII в. располагались огороды полочан. Эти огороды тянулись на север до самой р. Полота. Невельские ворота были расположены на перекрестке ул. Невельской (современная ул. Войкова) и ул. Крепостной, которая существовала в XIX – начале XX в. [Тарасаў, 1998а, с. 56].

Согласно актовым книгам 1650 г. и 1656–1657 гг., ул. Азаровая заканчивалась около Нижнего замка. В актовой книге 1721 г. отмечено, что ул. Азаровая пересекает *бывший* городской паркан. На ней были расположены *Андреева мельница* и «цагельня» (мастерская по изготовлению кирпича). Цагельня занимала четверть городской площади между огородами. Книга полоцкого городского магистрата 1779 г. дает очень ценные сведения о расположении топографических объектов на этой улице. Согласно записи в книге 1779 г., ул. Азаровая тянулась от Нижнего замка до *волотовок* параллельно ул. Боровой. Тот факт, что волотовки так называемого восточного курганного некрополя IX–X вв. сохранились до конца XVIII в., до недавнего времени казался практически невероятным. Упоминание «волотовок» позволяет определить один из маркеров северной границы древнего курганного некрополя в районе современной ул. Коммунистической (бывшей ул. Азаровой), что, кстати, отражено на плане 1707 г. (рис. 3).

Часть ул. Азаровой была вскрыта во время раскопок 1987–1988 гг. Эта улица в XII в. проходила по одной трассе с более поздними улицами XVII–XVIII вв. Из этого следует, что планировка Великого посада и его застройка были очень консервативными на протяжении многих веков [Тарасаў, 1998а, с. 66].

Ул. Спасская выходила за границы парка и была расположена параллельно р. Двина (запись в актовых книгах 1650 г. и 1656–1657 гг.) аналогично направлению начала XX в. Эта улица также упоминается в актовой книге 1779 г.

Расположение ряда улиц Великого посада также можно реконструировать, взяв за основу план Полоцка 1910 г. (рис. 5) и более ранние. Так, очевидно, что направления основных улиц, которые находились в пределах крепостной стены, в XVIII–XIX вв. остались неизменными. На планах конца XVIII в. между ул. Нижнепокровской и Верхнепокровской обозначена улица, которая отсутствует на плане 1910 г. Также, согласно планам конца XVIII в., ряд улиц был размещен к северу от ул. Невельской.

В Полоцкой ревизии 1552 г. и актовых книгах XVII в. на Великом посаде упоминается ул. Ильинская, которая выходила за пределы оборонительных укреплений. Среди крепостных башен упоминается Ильинская, которая на плане 1910 г. находилась на перекрестке ул. Крепостной и ул. Витебской [Тарасаў, 1998а, с. 56]. Очевидно, что башня и улица, которая к ней примыкала, имели одинаковое название. Название улицы, вероятно, происходит от названия Ильинской церкви, упомянутой под 1552 г. [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 21].

Согласно записи в книгах 1656–1651 гг. и 1782 г., ул. Ильинская была расположена параллельно ул. Вознесенской. Запись в книге городского магистрата 1779 г. детализирует расположение улицы «на *рынке*», по направлению из «*красного ряда*». В 1755 г. улица проходила через мост бывшего рва парка и вела к волотовкам, справа от нее на «рогу» располагались городские пляцы [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 34, л. 271об.].

На ул. Ильинской к 1780 г. (приезд в Полоцк Екатерины II) был построен большой трехэтажный корпус иезуитского коллегиума, расположенный напротив южного фасада костела св. Стефана. На западном конце ул. Ильинской были построены два корпуса, один напротив другого, по разные стороны улицы [Викентьев, 1910, с. 22–24]. Улица оставалась проезжей недолго: после 1780 г. она была перекрыта трехэтажным зданием иезуитского коллегиума (корпус разрушен в 1964 г.).

В результате археологических раскопок 2000–2003 гг. в южном дворике бывшего иезуитского коллегиума были открыты следы усадебной застройки. Один из домов первой половины XVI в. имел подклет с деревянным дренажем. Этот дренаж соединялся с уличным. Сегодня можно определить расположение этого дома по ул. Ильинской. Улица в XVI в. имела деревянный водосток.

В актовой книге от 1732 г. упоминаются волотовки и «церковица» св. апостолов Петра и Павла: «*idąc ulicą Illińską w pole do Przesmuszek za wołotówkami*

alias gurami Bałhoreyskiemi, po prawey stronie teyże ulicy Illinskiey, przeciw cerkowiszcza Świętych apostołow Piotra i Pawła» («идя улицей Ильинской в поле до Просьмушек за волотовками или горами Балгорейскими, на правой стороне той же улицы Ильинской, напротив церкви св. апостолов Петра и Павла») [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 17, л. 51–51об.]. В книге 1739 г. копаная волотовка упоминается «na ulicy Illinskiey, za miastem, przeciwko rytey wołotowki, do tej gury Bałhoreyskiey leżący» («на улице Ильинской, за местом, напротив копаной волотовки, к той горе Балгорейской лежащей») [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 34, л. 27об.]. В данных сведениях отождествляются части волотовок и «гор Балгорейских».

Таким образом, древние и современные названия упомянутых улиц соответственно: Пробойная–Толстого (сейчас сохранилась только северная часть ул. Пробойной в границах ул. Толстого), Невельская–Войкова, Азаровая–Коммунистическая, Спасская–Замковый проезд, Батечковская–северная часть пр. Ф. Скорины, Великая–Нижнепокровская.

В границах паркана, согласно актовым книгам 1650 г. и 1656–1657 гг., также находились улицы Боровая, Батечковская, Степанова (имели гостинцы), Возничная, Собачина, Савина, Сборовая, Дмитровская.

Ул. Спасская вела к повороту на ул. Боровую, что свидетельствует об их параллельном размещении. В актовой книге 1779 г. упоминается ее аналогичное размещение относительно ул. Азаровой. Таким образом, между ул. Азаровой и ул. Спасской проходила ул. Боровая, которая в 1779 г. выходила за границы стены. На этой улице в 1654 г. находилась Скарбовая башня (раньше эту башню ошибочно располагали на улице Азаровой [Тарасаў, 1998а, с. 56, рис. 71]). Улица Спасская проходила от рынка до волотовок (запись 1758 г.) [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 36, л. 41].

Ул. Батечковская, согласно тому же источнику, находилась рядом с ул. Ильинской, «при рынке». Эта же улица проходила параллельно ул. Спасской, вместе с которой выходила за пределы стены. В актовой книге 1656–1657 гг. упоминается пляц между ул. Батечковской и ул. Спасской вдоль стены. Определенно, что ул. Батечковская была расположена между ул. Ильинской и ул. Спасской в границах современного пр. Ф. Скорины. По ул. Батечковской в 1738 г. был заложен каменный костел св. Стефана [Викентьев, 1910, с. 20]. С запада улица была перегорожена двухэтажным флигелем иезуитского коллегиума. Во время археологического наблюдения А. А. Соловьева в 2009 г. за реконструкцией бывшего флигеля были открыты остатки ворот, от которых начинался деревянный мост через Черный ручей на Верхний замок [Викентьев, 1910, с. 24]. Эти ворота были расположены на ул. Батечковской и вели через Красную (Королевскую) башню.

В границах стен Великого посада в книге 1566–1567 гг. присутствует название местности «Шевердин рог», который находился в начале ул. Великой около Верхнего замка и безымянной улицы, которая ведет с рынка около церкви Рождества Христова («храм на рву»). Эта безымянная улица начиналась у р. Двина, тянулась вдоль Верхнего замка и церкви Рождества Христова и вела на рынок. Топографически с ней связана ул. Чистая, которая

проходила «с левой стороны от улицы около церкви Рождества Христова по направлению к реке Двине». Ул. Чистая проходила на юг от корпусов иезуитского коллегиума.

В тяжбе архиепископа Антония Селявы с полоцкими мещанами за 1638 г. упоминается ул. Рождественская, которая находилась где-то на Великом посаде. На этой улице размещались дворы Арона Танхилевича и Мовшы Мардохеевича [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 179]. Возможно, эта улица находилась около церкви Рождества Христова около Верхнего замка, но в актовых книгах 1656–1657 гг. и позднейших она по каким-то причинам упоминается без названия.

За городской стеной находилась ул. Малая, которая была проложена вдоль крепостного рва. С восточной стороны от ул. Малой начинались огороды, за которыми располагались волотовки. Ул. Малая начиналась от Невельской проездной башни, на север от этой башни до самой р. Полота были огороды.

Пахотные земли на восток от паркана Великого посада упоминаются в ревизии полоцкого повета 1563 г.: «пашенные земли и перелогу ... по Полоте меж дорог и которое здесь къ Спасскому монастырю и Полоты реки до Еуфрасинского монастыря что противъ Стрелецкого города до Полоты реки ...» [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 573, л. 382]. Тут же приведено упоминание и про курганный могильник: «да на гореломъ посаде в на дол от техъ курганов пашенные земли ... подле дорогъ к курганъ да на горелом посаде в на дол отъ, а за курганы ... меж Двины реки и дороги, которое на Туровлю» [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 573, л. 383].

Таким образом, про так называемый восточный курганный могильник IX–X вв. существует несколько упоминаний в письменных источниках XVI–XVIII вв. Соответственно, ул. Ильинская (современная южная часть пр. Ф. Скорины) и ул. Выгонная, название которой говорит о ее функциональном назначении, могли быть своеобразным маркером распространения курганного некрополя с юга⁷. С севера, как было сказано выше, таким маркером является современная ул. Коммунистическая.

Ул. Великая и ул. Степановая за границей паркана в XVII в. были окружены огородами. Определенной привязки на местности ул. Степановой в письменных источниках не зафиксировано, но она часто фигурирует в актах купли–продажи недвижимости полочан. Соответственно, ул. Степановая должна была находиться в центральной части Великого посада. Возможно, эта улица проходила между ул. Невельской и ул. Азаровой.

Парные названия ул. Выгонной и ул. Батечковой, ул. Батечковой и ул. Спасской свидетельствует об их параллельном размещении за пределами крепостной стены на юг от ул. Спасской. Между улицами располагались огороды.

⁷ Маловероятно, чтобы эта улица проходила по курганному некрополю. Таким образом, выпас скота происходил между ул. Великой и ул. Выгонной, естественно, за пределами паркана.

Следует обратить особое внимание на ул. Великую, которая впервые упоминается в Полоцкой ревизии 1552 г. В 1733 г. эта улица упоминается как «Великая мостовая» [НИАБ, ф. 1878, оп. 1, д. 2, л. 283]. К тому же ул. Великая являлось местом проживания зажиточной части населения (мещан и шляхты), про что ярко свидетельствуют археологические материалы и данные письменных источников. Неслучайно, на этой же улице шляхтич Иван Стабровский в 1621 г. отдал свой братский дом на размещение в нем временной православной церкви. В доме мещанина Игнатия Вишни на этой же улице имело место «большое сборище мещанъ обоего пола, въ числе несколькихъ сотъ человекъ» [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 121–122]. Во время посещения Полоцка в 1780 г. императрица Екатерина II жила в подготовленном для нее деревянном дворце над р. Двина, где раньше жил полоцкий губернатор Иван Михайлович Ребиндер [Без-Корнилович, 1855, с. 96]. На этой же улице в XVII в. были возведены первые каменницы.

На плане А. К. Мареля, который отражает реконструкцию топографии Полоцка в XVI–XVII вв., ул. Великая заканчивается в районе размещения францисканского монастыря (упомянут в актовом книге 1533 г.) и Богоявленской церкви [Иезуиты в Полоцке ... , 2005, ч. 1, вып. 2, с. 8; БА, 1928, т. 2, с. 222]. Это подтверждают данные археологического исследования. На территории ул. Нижнепокровской напротив Богоявленской церкви под современной проезжей частью были открыты остатки деревянной застройки с керамикой XIV – середины XVII в. [Дук, д. № 2284]. Ул. Великая была продолжена в восточном направлении только во второй половине XVII в., тогда же она вышла за пределы парка.

В конце XVIII в. сразу за бывшим парканом перпендикулярно ул. Великой проходил Бараний взвоз. Эта местность находилась за «перекопом» (бывший ров парка по ул. Ильинской). От этого «перекопа» в сторону Бараньего взвоза располагалась «копаная» волотовка (запись 1759 г.) [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 37, л. 185]. Не раз в книгах XVII–XVIII вв. упоминается местность «Плиговки», которая размещалась на ул. Пробойной, под Верхним замком, напротив перевоза от р. Двина. В инвентаре имущества полоцкого архиепископа от 16 июня 1580 г. зафиксирована ул. Плиговская, которая находилась на Великом посаде и от которой вели два переулка [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 180].

На Великом посаде в письменных источниках упоминаются три перевоза, один из которых изображен на плане 1707 г. напротив Верхнего замка. Четвертый перевоз находился напротив улицы, которая в 1910 г. называлась Вознесенская (современная ул. Сакко и Винцетти), этот перевоз изображен на плане 1707 г. напротив Богоявленской церкви. Тут во время археологического надзора в 2003 г. были открыты следы срубных построек XVII в. прямо около береговой линии Двины.

С включением Полоцка в состав Российской империи застройка города проводилась по проекту регулярной перепланировки 1778 г. В 1793 г. был разработан проект И. Зигфридена, согласно которому бывшая рыночная площадь стала основным звеном трехчастной структуры центра, который

включал две торговые площади (вторая находилась в районе современной пл. Ф. Скорины) [Чантурия, 2005, с. 274–275]. Изменилась и функция площади: в конце XVIII в. ее роль административного центра города усилилась, а торговая была ликвидирована.

В связи с этим особый интерес представляет план регенерации Полоцка 1778 г. (рис. 4), на котором обозначены существующие топографические объекты Полоцка и элементы планируемой застройки. На этом плане видно, что старую нерегулярную застройку должна была заменить новая. В первые десятилетия XIX в. так и случилось: городские кварталы увеличились, улицы стали более прямыми и широкими. В частности, ул. Вознесенская попала под застройку городскими кварталами (одна из каменниц конца XVII в. – так называемый домик Петра I – северным фасадом выходил именно на нее). Остатки стены Великого посада в виде рва были сnivelированы, городская застройка шагнула на восток, и на месте курганов (волововок) расположились городские кварталы.

Согласно Полоцкой ревизии 1552 г., на *Заполотском посаде* Полоцка размещался 191 двор и существовали церкви Св. Духа и Покровская [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 24, 25]. Также на Заполотском посаде был построен бернардинский монастырь. Привилеем 1498 г. великого князя Александра бернадинцам разрешалось жить в Полоцке на определенном участке города. Привилей регламентировал место строительства и характер застройки: «erigenda ac pro monasterio, domibus, certis residenciis, habitationibus, ortis, officinis, ceteris commoditatibus construendis et constituendis aream, locum atque sittum, qui est sub castro nostro in Poloczko secus fluvium Polotha, incipiendo a fluvio Polotha circa latus pontis et tenendo circumferencialiter iuxta viam sive stratam, que ducit de castro versus ecclesiam S. Spiritus» («возвести соответственно монастырь, с заселенными административными и жилыми домами, мастерскими со всем необходимым, построенными и устроенными в соответствии с местностью, которая размещена под замком нашим в Полоцке, на берегу р. Полота, начиная с берега от моста и дальше по окружности в сторону гостинца или мощеной улицы, что ведет от замка к церкви Св. Духа») [Kodeks dyplomatyczny katedry ... , 1948, s. 538]. В тексте обозначен четырехугольник: устье р. Полота, около которого находился мост, – дорога к церкви Св. Духа – снова р. Полота – луг. В 1563 г. во время захвата Полоцка войсками Ивана IV бернардинский монастырь на Заполотском посаде (фото 9) прекратил свое существование.

Второе упоминание середины XVII в. про церковь Св. Духа в Заполотье определяет координаты ул. Заречной: «за Полотою в заульку под улицы Заречное, ку церкви Светог(о) Д(у)ха идучой, стоячий» [Гардзееў, 2004, т. 1, с. 58].

В письменных источниках XVI в. упомянута еще одна церковь в Заполотье – св. Козьмы и св. Демьяна, которая принадлежала одноименному монастырю. При этом более-менее точная привязка к местности отсутствует, кроме упоминания: «въ месте Полоцком на посаде за Полотою» [Тарасаў, 1998а, с. 87]. Именно церковь св. Козьмы и св. Демьяна С. В. Тарасов отожд-

дествляет с церковью, отраженной на гравюре Я. Баптисты 1580 г. в западной части Заполотья. Хорошо видно, что храм ориентирован по направлению восток–запад и имеет двускатную крышу с шатровым покрытием и крестом. К противоположному концу примыкал двухъярусный объем, который мог быть звонницей [Якимович, 1991, с. 271]. Этот комплекс не мог быть бернадинским монастырем, поскольку последний в 1563 г. был сожжен по приказу Ивана IV (бернадинцы возвратились в Полоцк только в конце XVII в. и возвели сначала деревянные, а потом и каменные постройки монастыря уже в Задвинье) [Ярашэвіч, 1999, т. 5, с. 536]. Наиболее вероятно, что на плане отражена церковь Св. Духа поскольку упомянутая «дорога или гостинец», которая ведет от «широкого моста» с Верхнего замка к церкви Св. Духа, должна быть главной на посаде. На гравюре Я. Баптисты как раз и отражена широкая улица, которая ведет через весь посад от моста к церкви.

Обозначенная в привилее 1498 г. территория, которая принадлежала бернадинцам, находилась в восточной части Заполотского посада в районе современных ул. Краснова и ул. Михайловской. Кстати, заливной луг и сейчас находится в северо-восточной части Заполотья напротив западного мыса Верхнего замка (район Мошны). Церковь Св. Духа могла размещаться на запад от обозначенной территории, возможно, в районе современного моста через р. Двина.

Имеющиеся археологические данные подтверждают, что бернадинский монастырь находился в восточной части Заполотья. Во-первых, не вызывает сомнений расположение архитектурных и топографических объектов Полоцка 1563 г., изображенных на фреске бернадинского костела в Вильно [Гліннік, 2004].

Во-вторых, в 2003 г. в северо-восточной части Заполотского посада обнаружены следы богатой усадьбы XV в. Не исключено, что открытый археологически комплекс является частью двора, который принадлежал ганзейским купцам и с конца XV в. мог принадлежать бернадинскому монастырю.

В-третьих, в 2006 г. во время археологического наблюдения за земляными работами в Заполотье по ул. Краснова, 12 был найден печной набор изразцов первой половины XVI в. На одной из пластин отображена монограмма Божьей Матери, которая свидетельствует о католическом вероисповедании владельца печи. Изображение монограммы Божьей Матери на изразце из выявленного печного набора пока что является самым ранним примером использования «гербовых» изразцов в Полоцке [Дук, 2007в, № 4].

В-четвертых, во время археологических раскопок в 2010–2011 гг. по ул. Краснова возле домов № 7 и № 12 были выявлены следы большой деревянной постройки с изразцовой печью, в состав которой входили горшковые и ранние стенные изразцы с позднеготическими изображениями Девы Марии и Иисуса. Данная постройка имела подвал, в заполнении которого найдена посуда и вещи первой половины XVI в. Постройка сгорела в пожаре, и, вероятно, являлась одним из жилых корпусов бернадинского монастыря.

В любом случае, территория для размещения монастыря была выбрана не случайно. На протяжении веков расположение культовых построек в Полоцке всегда соответствовало нуждам полочан. Католический храм мог быть возведен в месте проживания максимального количества верующих этой конфессии.

Примером городской усадьбы в пределах Заполотского посада является инвентарь недвижимого имущества Людвика Каролины Радзивилл за 1658 г. Усадьба располагалась на ул. Великой и имела ограду. Усадебные ворота находились со стороны переулка, который спускался к р. Двина. Въезд был с большими воротами и маленькой «фортой» (калиткой). Дом был деревянный, имел «белую палату» (комнату) с коморой (кладовкой) при ней. Печь в комнате была «поливаной» (глазурованной), дымоход требовал ремонта. Из мебели были стол столярной работы, две большие лавы и две поменьше, шкаф. В коморе располагалась большая лава, хозяйская черная печь, но с выведенным дымоходом. Окна в доме были «стеклянные, в дереве сделанные». Окно коморы выходило на улицу и имело две ставни на завесах. Двери в палате имели защелку, двери в обоих коморах были оснащены внутренними замками, а двери коморки сеней имели дополнительно еще и защелку. Комора в сенях была покрыта девятью обработанными досками, остальная часть – простыми досками [Дзярновіч, 2009, с. 71–72].

За сенями с коморой находился амбар с засеками. Двери амбара имели внутренний замок. В амбар можно было попасть прямо из коморы сеней, двери между ними были на завесах. Под амбаром находился погреб (пивница), в который вели двери на завесах. За амбаром размещалась «паветь», крытая старыми «драницами», за «паветью» – старая баня. Для хранения дров имелась специальная постройка – «сенцы». Двое дверей в них были на бегунках. При усадьбе имелся огород, который со стороны улицы был обнесен частоколом, или «острогом». На подворье находилась еще одна жилая постройка – «добрая палата» с черной печью. Вход в эту постройку был через двери на завесах. Между этой постройкой и воротами размещался «хлевок» без дверей. За хлевом были конюшня и «поветь» (навес для сена). Весь комплекс был покрыт «драницами», отдельные постройки имели общие крыши. В целом усадьба напоминала фольваок и сильно отличалась от сельского веночного двора [Дзярновіч, 2009, с. 72].

Из текста жалобы полоцкого лавника Ивана Алексеевича на мещанина «места заполоцкого» Алексея Сотника от 10 ноября 1656 г. можно проследить обустройство огорода в границах городского посада: «маючы огород свой власный вечыстый на Заполотю, на улицы Еглявинской стоячий, чверти пляца [...], огорожаний вколо заметом и ворота уставлены были, в которм огороде было засеено розные ярыны огородные, тоест борщъ, чоснок, шалвея, олий, гвоздики, огурки, палвей, а всобливе сад яблонный, было яблоней садовых трыдцат, на которых то яблонех завше рок од року овоцы он, жалуючыи, мел и пожытковал. А онъ, Алексей Сотник, невядоме Zufалства и своволенства своего в том огороде розобравшы праслы, дыры почынившы, тые праслы на пожыток свой от усега огорода вырил и извозил.

А в остальну на тот огород вжо через него розобраный насадыко и на тые за-
севки ярынные свини, кони, коровы, козы напустил, через которое кгвал-
товное розебрание невядоме огорода и напущене коней, быдла, коз, свиней,
тые яблонь садовые овощевые в нивех обернули и тот сад увес усушыли,
якож борщъ и розные золка с кореня повыкопано и в нивех обернено и згола
дошенту розорыл. И тот будынок около огорода прасел трытчат пят разо-
брал и в нивех обернул, через которое розебрание огорода он, жалуючы, шка-
дует 30 талеров» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 74об.].

Из текста следует, что огород находился за деревянным «замѣтом» в трид-
цать прясел, имел ворота. Огород занимал относительно небольшую пло-
щадь – четверть пляца, однако на нем кроме овощей еще выращивалось
тридцать (!) садовых яблонь, которые и представляли основную ценность.
Даже если предположить, что пляц имел максимальный размер около 300 м²,
его четверть будет равна 75 м². В таком случае садовые деревья в количе-
стве 30 штук должны были быть низкорослые, что, кстати, и объясняет их
быстрое «искоренение и иссушение» домашним скотом.

Представляет интерес и перечисление видов домашнего скота, который
полочане держали в городе (свиньи, лошади, коровы, козы), а также и тот
факт, что активно практиковался вывоз недвижимого имущества, в данном
случае «будынку» ограждения.

В XVII в. на Заполоцком посаде, кроме церкви Св. Духа, находились цер-
ковь св. Козьмы и св. Демьяна (упоминается под 1606, 1618, 1708 г.). В XIX в.
церковь располагалась на месте огорода, который принадлежит собору
св. Софии, в то время она была целиком разрушена [Сементовский, 1890,
вып. 1, с. 131].

В делах, помещенных в актовой книге 1656–1657 гг., встречаются назва-
ния ул. Великой, Еглявинской, Заречной, Выгонной, Ермолова переулка.
Эти улицы были размещены в границах Заполотского паркана. За парка-
ном размещались местности Селевщизна и Глущица. Из всех улиц возможно
определить месторасположение ул. Великой (современная ул. Краснова).
Она являлась своего рода продолжением одноименной ул. Великого поса-
да, пересекала границы паркана и переходила в гостинец. На этой улице
в XVII в. располагались усадьбы зажиточного населения, он был вымощен
деревом [Дзярновіч, 2009; Kodeks dyplomatyczny katedry ... , 1948, s. 538].

В актовой книге 1704 г. упоминается Бастионный переулок, в книге 1779 г. –
переулок Цикуновый. Оба переулка располагались между ул. Великой
и р. Двина.

Застройка Заполотского посада, согласно плану 1707 г., не отображает
церквей, хотя церковь св. Козьмы и св. Демьяна упоминается в письменных
источниках под 1708 г. Из всех улиц на плане обозначены две основные:
одна – ул. Великая – расположена параллельно р. Двина, название второй,
которая переходит в дорогу, определить сложно.

В любом случае, на обоих планах начала XVIII в. на территории Запо-
лотского посада плотная застройка не отмечается. Под 1704 г. посад упоми-
нается как «предместье места Полоцкого Запалотье» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1,

д. 2, л. Зоб.]. При этом наличие оборонительного рва прежнего паркана присутствует только на плане 1720-х годов.

Археологические раскопки на территории *Экиманского посада* были проведены в 2009 г. и ставили целью определить его существенные характеристики, зоны распространения и время образования культурного слоя. Фактически это были первые системные раскопки в Экимани. Вместе с итогами археологического наблюдения в предыдущие годы был получен значительный фактологический материал, который позволяет определить роль и место Экимани в социотопографической структуре Полоцка.

По итогам археологических исследований 2009 г. было определено время образования культурного слоя на территории бывшего Экиманского посада (вторая половина XV – XIX в.) и площадь его распространения (7 га). Артефактов, ранее XV в. археологически не выявлено, за исключением креста-энколпиона XII в. (фото 23: 3), найденного Н. С. Боровик на огороде рядом с местом расположения бывшей Георгиевской церкви (хранится в НПИКМЗ). Фрагменты так называемой слабообожженной плинфы, найденной в 1976 г. П. А. Рапопортном во время поиска фундамента церкви св. Георгия, на самом деле оказались кирпичом XVI в.

Полученные во время раскопок данные стало возможно сопоставить с письменными источниками по истории Экиманского посада.

Название «Экимань» происходит от названия храма Иоакима и Анны. Аналогичная картина с происхождением названия Якиманской (Экиманской, Акиманской) улицы Пскова от названия монастырского храма [Колосова, 2004, с. 51]. Экиманская церковь упоминается в Полоцкой ревизии 1552 г. [1905, с. 22, 26].

В Полоцкой ревизии 1552 г. Экимань упоминается как поселение с развитой топографической структурой, собственно посад. На территории посада было размещено 269 дворов, и Экимань являлась вторым по значимости поселением в топографической структуре города, уступая только Великому посаду (769 дворов). Таким образом, с момента основания поселения (данные археологии об этом уверенно свидетельствуют) до середины XVI в. прошло не более 50–80 лет. Это означает, что заселение данной территории могло произойти не иначе, как централизованно, и, по-видимому, процесс переселения был хорошо организован.

Что заставило людей переселиться в Экимань? Ответ находим в письменных источниках. В мае и августе 1518 г. московская армия в очередной раз сожгла Великий и Заполицкий посады и паркан [БА, 1928, т. 2, с. 192–196]. После этих событий население посада, которое находилось под властью бояр и духовенства, вынуждено было оставить свои дворы в городе и разойтись. Места, куда они пошли, в источниках не упоминаются, однако есть все основания утверждать, что это было левобережье р. Двина, а граница расселения охватывала Экиманский и Кривцов посады (за границами поселений Слобода и Остров). Юридическая зависимость этих людей от боярства отражена в топонимах Экимани – Боярщина, ул. Боярская. Позднее, с конца XVI в., население Экимани находилось под юрисдикцией иезуит-

ского коллегіума. Удобное размещение Экиманского посада на левом берегу р. Двина на значительном удалении от Верхнего замка (основной цели военных походов на Полоцк в XVI–XVII вв.) делало посад очень притягательным местом для проиживания.

Время начала переселения этих людей в Экимань можно определить достаточно уверенно. В привилее Полоцку на магдебургское право 7 октября 1498 г. Александра Ягелончика определены категории боярских, мещанских и «поповских» людей, которые «живут(ь) за Двиною, так и тые, которые з другоe стороны реки Двины и на острове мешкают(ь)». В тексте второго привилея на магдебургское право Сигизмунда Старого 27 августа 1509 г. (датировано согласно А. Л. Хорошкевич) называются «вси мещане, и чорные люди, и всякие закладни, так тые, которые мешкають в замьку, и около замьку, так теж и тые за Двиною и на всяких местцох в мести нашом Полоцком, за вл(а)д(ы)кою, и за игуменью, и за кн(я)зи и за бояры, и за игумены и за попы, на всих местцох ц(е)рк(о)в(н)ых и кн(я)зьских и боярьских» [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 57]. Таким образом, в 1498 и 1509 г. упоминаются люди, которые были подчинены боярам и духовенству и проживали на территории левобережной части Полоцка. Многие из этих людей как на Экиманском, так и на Кривцове посадах занимались огородничеством. Аналогичная ситуация с массовым переселением жителей города в пригородные фольварки известна многим белорусским городам в результате войн XVI–XVII в. Например, королевские ревизоры отмечали катастрофическое состояние Гродно в итоге переселения людей в фольварки в 1680 г. [Гардзееў, 2008, с. 253–254].

Согласно Полоцкой ревизии 1552 г., на собственных землях в Экимани жили только два мещанина, на мещанской земле – один, на шляхетских – четырнадцать, остальные селились на церковных землях [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 26].

В 1650-е годы посад имел разветвленную уличную сеть. Здесь располагались ул. Боярская, Виленская, Езеньская, а также местность Боярщизна с ул. Великой. К тому же Экиманский посад имел собственный рынок. Название ул. Виленской свидетельствует о наличии одноименной дороги вне границ посада. Об аналогичной дороге сообщается в описании похода Ивана IV на Полоцк 1563 г.: «за Двиною же рекою на Виленской дороге ... против Якиманские слободы» [ПСРЛ, 1965, т. 29, с. 306].

В 1774 г. на иезуитском фольварке Экимани вместе с Островом размещались 121 дом с населением 726 человек, предместье было расположено вдоль р. Двина на две мили, а вширь на одну милю «а местами больше или меньше», и «лежит то местечко от слободы Бельчицкой в $\frac{1}{4}$ мили». В Экимани были четыре трактира: Пятничный, Хоцевичский и Полюдовичский [Lustrator Połocki..., 1774, s. 2–3, 24–25], а четвертый трактир был частный, либо свободный [Сяргеенка, 2003, с. 55].

Из данных «Люстрации 1774 г.» Экимань являлась полоцким предместьем (такой же статус имел и Остров), но рассматривалась вместе с девятью фольварками полоцких иезуитов [Lustrator Połocki ... , 1774, s. 2–3, s. 2]. Экиманские мещане были приписаны к иезуитскому коллегіуму.

Согласно данным письменных источников XVII–XVIII вв. известно, что на территории Экиманского посада были размещены костел и церковь. Так, в 1646 г. митрополит Антоний Селява назначил настоятелем церкви св. Георгия за городом Василия Никифоровича [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 208–209]. На территории Экиманского посада размещался «деревянный костел без резиденции для ксендза», была и приходская церковь с большим заезжым домом. Этот дом имел «покой» и каменные склепы, около дома располагались «опустошенные» столоды для содержания в них российского лазарета. Отмечается, что Экимань «при образцовом российского солдата обхождении пришла целиком к мизерному положению» и по сравнению с другими фольварками была не самой густонаселенной и прибыльной [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 55; Lustrator Połocki ..., 1774, с. 3].

В письменных источниках не указаны названия костела и церковей XVII–XVIII в. Современное население д. Экимань не помнит название церкви, которая была разрушена во время боевых действий 1944 г. В «Справке отдела охраны памятников архитектуры управления по делам архитектуры при СНК БССР о разрушении и грабеже гитлеровскими оккупантами исторических памятников архитектуры на территории Беларуси в 1941–44 гг.» Экиманский храм упоминается как «выстроенный в 1737 г. и являющийся древнейшим деревянным сооружением города» [Памяць ... , 2002, с. 488]. П. А. Раппопорт в отчете об археологических исследованиях упоминает Георгиевскую церковь, около которой он и проводил исследования [Раппопорт, д. № 527, с. 24].

Из текста копии инвентаря Экиманской православной церкви, сделанной Викентием Меницким в начале XX в., следует, что церковь в предместье Экимань имела название в честь св. Георгия. В 1853 г. эта церковь была перестроена из католического костела, возведенного в 1736 г. [LVIA, f. 599, ар. 1, б. 3, л. 114]. Этот костел, по-видимому, был построен на месте одноименной униатской церкви, упомянутой в документе 1646 г. и, возможно, разрушенной во время войны 1654–1667 гг.

Церковь представляла собой крестово-купольный деревянный храм на каменном фундаменте с одним куполом и колоколом. Построена в византийском стиле, крыша крыта гонтом [LVIA, f. 599, ар. 1, б. 3, л. 114]. В церкви над царскими воротами находилась икона Казанской Божьей Матери, которую местные жители почитали как чудодейственную. Икона содержала надпись «Образъ Казанскія Божія Матери, 1637 года, октября 29 дня». В церкви на правой стене размещались икона св. Георгия, на левой – св. Николая, обе сделаны «в большом размере, с серебрянными шатами, древнего письма» [LVIA, f. 599, ар. 1, б. 3, л. 114]. К сожалению, выяснить время создания данного инвентаря тяжело. Согласно второму инвентарю за 1854 г., над царскими воротами Георгиевской церкви в третьем ряду иконостаса располагались иконы Благовещения, справа от нее – икона Сретения, слева – икона Благовещения [Ярошевич, 2009а, с. 234]. Две иконы с этой церкви – Сретение и Вознесение – сегодня хранятся в фондах НПИКМЗ.

В копии инвентаря, сделанного Викентием Меницким, упоминается также древняя униатская церковь св. Николая, которая находилась неподалеку

от церкви св. Георгия и была разрушена в середине XIX в. Церковь имела четыре колокола, два больших отлиты в 1776 и 1881 г., два маленькие недатированы и были без надписей. Колокол, отлитый в 1776 г., содержал две надписи: «Me fecit Johann August hetzel anno 1766 in Riga» и «Roku 1766 ten dzwon odlowani z bractwa do cerkwi Ekimanskiey Swientego Mikolaia» [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 114]. Этот колокол, очевидно, происходил с бывшей униатской церкви св. Николая и был отлит за средства экиманского николаевского братства.

К парафии Николаевской церкви принадлежали многочисленные приходы, часть которых в 1778 г. была отдана полоцкой Борисоглебской (в тексте инвентаря ошибочно определена «Богоявленской») церкви на Кобаке [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 114, 114at.].

Согласно плану Полоцка 1707 г., Экиманский посад имел уличную сеть, аналогичную современной трассировке улиц. Ул. Виленская проходила параллельно ручью и вела на юг около церкви св. Николая. На месте Георгиевской церкви на плане располагался большой длинный дом, упомянутый в люстрации 1774 г. Самой Георгиевской церкви на плане нет, поскольку она в то время была разрушена, а отстроена в 1736 г. как костел. На плане хорошо видна переправа (по р. Двина), которая вела вдоль Острова к Верхнему замку.

Во время археологических исследований в 2000 и 2009 г. были выявлены фундамент и погост церкви. Фундамент состоял из кирпича на известковом растворе, размер кирпича приближен к размеру плитки и составляет 31,0 × 15,0 × 4,5 см. Фундамент и погост принадлежали деревянной униатской церкви св. Николая, которая была разрушена в середине XIX в. Время ее возведения остается неизвестным, однако можно полагать, что оно происходило после Ливонской войны, возможно, на фундаменте церкви св. Иоакима и св. Анны. Церковь св. Георгия, упомянутая в письменных источниках середины XVII в., в 1736 г. была перестроена в костел, а в 1863 г. – в православную церковь, которая просуществовала до 1944 г.

Изразец с изображением монограммы полоцкого архиепископа и униатского митрополита Антония Селявы найден около бывшей церкви св. Георгия в единственном экземпляре представляет большой интерес. Монограмма (латинские буквы «A» и «S») помещена вверху венка. Рамка зеленоглазурованного изразца с одним выступом, что свидетельствует о времени ее изготовления в границах второй четверти–середины XVII в. (известно, что Антоний Селява умер в 1655 г.). Резиденция полоцкого архиепископа находилась на Верхнем замке, поэтому изразец с изображением монограммы принадлежал назначенному Селявой в 1646 г. настоятелю храма св. Георгия Василию Никифоровичу.

Таким образом, Экиманский посад образовался в начале XVI в. за счет переселенцев с Великого и Заполотского посадов. Это подтверждают археологические данные и сведения письменных источников. С конца XVI в. Экимань является крупнейшей юридической иезуитов, упомянутой в люстрации 1774 г. как фольварок. Экиманский посад имел разветвленную уличную

сеть, собственный рынок, элементы городской застройки и играл важную роль в социально-экономическом развитии Полоцка в XVI–XVIII вв. В годы подчинения Полоцка царю Алексею Михайловичу магистрат заботился о надлежащем состоянии Экиманского посада наравне с другими, о чем свидетельствуют соответствующие записи: «абы пляцы и кгрунты порожные впусе не лежали и штобы тот посад Екиманский ... в будынок розшыралсе» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 77].

Кривцов посад формировался в течение второй половины XV – XVII в. В 1552 г. крупнейшими территориальными единицами на левобережье р. Двина являлись «посады» Островский, Слободской и Кривцов. Суммарное количество дворов трех левобережных посадов составляло 284 (на Слободском посаде располагалось 103 двора, на Кривцове посаде – 30, на Островском посаде – 151 двор). Слабая заселенность Кривцова посада в середине XVI в. свидетельствует об отсутствии на нем разветвленной уличной сети. Люди селились на берегу р. Двина, на возвышенности надпойменной террасы, согласно записям в актовых книгах «на венце р. Двины». История Кривцова посада в середине XVI в. насчитывала чуть более 50 лет, в то время когда Слобода и Остров согласно археологическим данным были заселены с XI в. Кривцов посад в XVI в. был расположен между Островским и Слободским посадами.

Население Слободского посада согласно Полоцкой ревизии 1552 г. составляло 103 мещанина. Из них на землях монастыря Бориса и Глеба проживал 51 мещанин, на землях княгини Иллиной-Островской – 30, на землях полоцкого землянина Семена Ульского – 22 мещанина [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 27].

Культурный слой на территории Кривцова посада размещен вдоль р. Двина в виде полосы шириной около 150 м. Площадь Кривцова посада вместе со Старой Слободой и Островом составляет 22 га.

Слобода и Остров в XVII–XVIII вв. являлись частями Кривцова посада. На Острове в 1582 г. по-прежнему располагался монастырь св. Иоанна Предтечи [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 73]. Упоминание про Храм Иоанна Предтечи засвидетельствовано в ревизии 1618 г., после этого времени сведения про храм отсутствуют.

В XVII в. в состав Кривцова посада входила местность Остров, Кабак, Старая и Новая Слободы. С административно-правовой точки зрения они являлись территориальными единицами в составе Кривцова посада и в 1622–1623 гг. были переданы под юрисдикцию полоцкого магистрата.

Застройка Кривцова посада в XVI–XVII вв. в общих чертах не отличается от застройки на Великом и Заполотском посадах. В соответствии с общими тенденциями развития гражданского строительства, застройка монастыря Бориса и Глеба в слободе Кривцова посада в 1563 г. была деревянной. На территории монастыря были размещены кельи, которые были сожжены до подхода московских войск, от всей деревянной застройки осталась одна «братская пеколня». Эта «пеколня» имела сени, в ней размещался на ночлег Иван IV [ПСРЛ, 1965, т. 29, с. 308].

Вероятно, ко времени подхода московских войск площадь застройки Островского посада была значительно уменьшена аналогично тенденциям развития Великого посада. Об этом свидетельствует сообщение Лебедевской летописи, согласно которой царь приказал «стрелцы стати и закопатися у Двины реки в березех и на острове» [ПСРЛ, 1965, т. 29, с. 308]. Упомянутые «березы» могли размещаться на восток от Острова напротив Великого посада. В ревизии полоцкого уезда 1563 г. и на самом Острове упоминаются пахотные земли: «Архиепископу Антонию отмерено и старую пашнюю, что на Острове ... [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 573, л. 383].

Согласно плану С. Похоловицкого 1579 г., застройка на Острове отсутствует, на плане Полоцка 1707 г. она немногочисленна, а на планах конца XVIII в. застройки на Острове снова нет.

Протест Кузьмы Пестуна о краже из его дома от 20 марта 1657 г. иллюстрирует интерьер мещанского дома на Острове: «нетъ ведома кто злодейским способом в ночи зъ субботы на неделю вшодшы в дом его на острове стоячый и одбившы зацепъ ку до истобке и през верхъ добывшысе в сени взял и украл напервей коробки две в которых было разных хустъ белых немало, а меновите сорочек белокглавских осмъ музких две, обрусy два, наметки кужельные три, к чужих речей през Матиюша Михайловича положонных взяли опончу новую, козлинъ выпранных три, ту вапню, до того в сенях взяли сермягу его Пестуна власную белую» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 279об.; д. 454].

Согласно жалобе мещанина Афанаса Ивановича Болоты от 18 сентября 1656 г. в «дворе» на Кривцове посаде находились «стол в ызбе и розное начыне деревеное до мешканья [...] начыне домовое той стол светличный коштовал золотых тры, кади бочки, а пры том и тое право на стол» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 23; д. 40].

Наиболее информативной для получения сведения о реконструкции особенностей городской топографии Кривцова посада Полоцка является актовая книга 1656–1657 гг. При этом проанализированные актовые книги XVIII в. не фиксируют сделок о купле-продаже домов или огородов на левобережном посаде, а также не представляют других сведений про недвижимость этой части Полоцка. Возможно, это является прямым свидетельством маргинализации левобережных посадов Полоцка, поскольку в актовых книгах помещаются имущественные дела преимущественно зажиточной части мещанства, владельцев недвижимости.

Так, согласно книгам за 1650 г. и 1656–1657 гг., Остров имел ул. Проезжую, тут же была размещена переправа от р. Двина. На местности Кабак размещалась ул. Пробойная (по направлению от церкви Бориса и Глеба к переправе от р. Двина). Соответственно, местность Кабак размещалась на левом берегу р. Бельчицы от церкви Бориса и Глеба к переправе со стороны р. Двина. За этой частью во второй половине XVII в. закрепилось название «Новая Слобода», размещенная «за рекой Бельчанкой на берегу реки Двины и дальше вдоль улицы на юг в гору к церкви Бориса и Глеба». Прямая преемственность этих названий – Кабак/Новая Слобода – обозначена в по-

лоцкой люстрации 1774 г. [Lustrator Połocki ... , 1774]. Новая Слобода (Кобак) локализована при устье левого берега р. Бельчицы, на «венце» и отражена на плане 1707 г. вместе с переправой. Старая Слобода (Бельчицкая) размещена по ул. Великой, которая ведет от Кабака к церкви Бориса и Глеба. Таким образом, Старая Слобода – это местность, которая размещена на правом берегу р. Бельчицы.

Очень важным для понимания развития Борисоглебского монастыря в 1660-е годы является тот факт, что в письменных источниках нигде не фигурируют названия монастырских церквей, помимо церкви Бориса и Глеба. Возможно, под названием «церковь Бориса и Глеба» понимался весь монастырь, поскольку в актовой книге зафиксировано название «Борисоглеб». Однако в грамоте от 25 июня 1511 г. Бельчицкий монастырь дважды назывался одновременно Богородицким и Борисоглебским: «записал тую землю со всем к монастырю на Бельчицы Пречистое Богоматери и святым мучеником Борысу и Глебу» [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 77]. Вероятно, в данной записи речь идет про так называемый Большой (безымянный) собор XII в. под названием Пречистой Богоматери. Этот собор размещался на территории монастыря и был частично археологически исследован в XIX–XX вв. [Селицкий, 1992, с. 34]. В грамоте от 20 декабря 1497 г. упоминается двор с огородом около церкви Пречистой Богоматери, размещенной поблизости двора игумена [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 148]. Однако в ревизии 1618 г. упоминается «новоотстроенная» деревянная Пречистенская церковь. Она находилась рядом с каменными, наполовину разрушенными (без крыш) церквями Борисоглебской и Пятницкой [ИИОМ, 1871, вып. 2, с. 321–323]. Что понимать под термином «новоотстроенная» – ремонт храма или его возведение – можно выяснить только после детальных археологических раскопок. Учитывая социально-экономические реалии того времени, предварительно возможно определить все же ремонт уже существующей церкви. К тому же церквей, возведенных в XVII в., на территории монастыря, согласно археологическим данным, не было.

На основной части Кривцова посада, «над ручьем», на запад от Слобод к Острову, размещались Чертов переулок «на горе», около него пролегал ул. Чертовая, последняя – напротив церкви св. Николая (впервые упомянута под 1552 г. в «месте» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 9, 22, 25]). Эта церковь была размещена на горе (надпойменной террасе), через ряд застройки от р. Двина.

Размещение церкви св. Николая около ул. Чертовой выглядит далеко не случайным, если учесть факт соотнесения культа св. Николая и Велеса, который в народных воображениях имеет разные ипостаси, в том числе «нечистого», «черта» [Успенский, 1982, с. 87].

На плане 1707 г. на территории Кривцова посада отражено изображение церкви на венце р. Двина (рис. 3). Деревянный бернардинский монастырь, возведенный в 1696 г., размещался на правом берегу Кривцова ручья, и его изображение отсутствует на этом плане. Однако бернардинский монастырь нанесен на копию плана 1707 г. (неправильное определение его в поясни-

тельной записи оговаривалась выше). Таким образом, на оригинальном плане 1707 г. отражено изображение церкви св. Николая

На правом берегу р. Бельчицы, согласно плану 1707 г., застройка отсутствует за исключением церкви св. Бориса и Глеба одноименного монастыря. Тем не менее застройка данной правобережной части р. Бельчицы под названием Старая Слобода в это время существовала, о чем ярко свидетельствуют итоги археологических раскопок.

Так, в 2009 г. наиболее ранняя по хронологии группа артефактов выявлена во время раскопок в Старой Слободе на правом берегу р. Бельчицы (рис. 57: 8а). Стратиграфия памятника чрезвычайно однородна, фактически слой представлен светло-серой супесью, в которой зафиксированы прослойки угля от разрушенного в начале XVIII в. жилого дома. В раскопе I найден венчик лепного, заглаженного на гончарном круге горшка, который датируется X – началом XI в. Аналогичная керамика хорошо известна в Полоцке, она найдена на полоцком городище и окольном городе.

В том же раскопе в передматерике найдена черная стеклянная бусинка с четырнадцатигранными срезанными углами, которая, согласно курганным захоронениям, датирована X–XI вв. [Фехнер, 1959, вып. 3, с. 168, рис. 5]. Похожие бусинки были характерны в основном для сельского населения Древней Руси. Эти два артефакта свидетельствуют о возможном времени заселения Старой Слободы в конце X в. (сельское поселение?).

Остальная керамика – это гончарная посуда XI–XIII вв. и XIV–XVIII вв. Керамика XI–XIII вв. представлена преимущественно выразительными S-подобными по профилю венчиками горшков, широко известными в Полоцке в это время. Керамика XIV–XV вв. немногочисленна, среди керамики XVI–XVIII вв. выделяются фрагменты мисок, венчики горшков.

На территории Кривцова посада за границами Старой Слободы найдена керамика, типичная для XVI–XVIII вв., в том числе изразцы.

Таким образом, наиболее ранние хронологические группы находок X–XIV вв. были выявлены на территории Старой Слободы. В результате стало возможным определить происхождение топонима «Слобода» от термина «слободка» – сельскохозяйственное предместье Полоцка. Старая Слобода размещена в удобном месте при впадении р. Бельчицы в р. Двина, через нее проходил путь на Минск и Киев. Около этой слободки в XII в. был основан Бельчицкий Борисоглебский монастырь. Определенная автономия данной территории засвидетельствована в Полоцкой ревизии 1552 г., которая определяет это поселение уже как полоцкий посад. В XVII–XVIII вв. топонимы «Старая Слобода» и «Новая Слобода» определяют уже только территориальные части Кривцова посада.

На Кривцове посаде (на запад от устья Бельчицы к Острову) находки представлены керамикой и вещами XV–XVIII вв. Однако, согласно сведениям письменных источников, заселение данной части земли произошло не ранее чем на рубеже XV–XVI вв. Это свидетельствует о синхронности заселения территории Кривцова посада и Экимани и об одинаковых причинах, которые привели к такому масштабному явлению.

Среди этих причин назовем две основные: сокращение посадской территории, упадок в развитии Полоцка в результате частых военных действий первой половины XVI в. и смена юридического статуса посадского населения в связи с распространением магдебургского права (после 1498 г.). В результате часть населения, которая сидела на землях бояр и духовенства, была вынуждена переселиться на левый берег р. Двина. Этот тезис хорошо иллюстрирует Полоцкая ревизия 1552 г., согласно которой на Кривцове посаде было размещено 30 дворов, которые принадлежали Василию Кортеню, которые «з местом тянуть, а ему позма с них две копе и сорок осмь гршей приходить» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1552, с. 148].

В заключение нельзя не обратить внимание на существование **сельскохозяйственных районов** Полоцка, известных по письменным источникам XIV–XVIII вв. Основные из их – это «сельцо» Просмужки с пахотными землями и сенокосами на восток от Великого посада за вологовками (упоминаются в XIV–XVIII вв. [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 17, л. 51–51об.; Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 86; 225, с. 143]), монастырь св. Николая на Лучно на месте современной д. Ропно на 5 км вниз по р. Двина, около которого, вероятно, существовала слобода (монастырь упоминается в акте о продаже земли полоцкому архиепископу Ионе под 1487 г. и в Полоцкой ревизии 1552 г. как размещенный в Полоцке [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 178; Miępicki, 1931, t. VII, z. 3–4, s. 9]), фольварки XVII–XVIII вв. находились на территории современного микрорайона Полоцка «Аэродром» (на северо-восток от Заполотского посада) [Дук, 2007г, с. 31].

Подводя итог, выделим общие моменты в развитии социотопографической структуры всех полоцких посадов. Так, улицы с названием «Великая» в XVII–XVIII вв. размещались на Великом, Заполотском, Кривцове и Экиманском посадах. Аналогичное «двойное» название – «улица Пробойная» – зафиксировано на Великом и Кривцове посадах.

Городской нобилитет селился преимущественно в границах центральной части Великого посада (от ул. Великой до ул. Азаровой), в Заполотье – на ул. Великой. Название местности «Боярщина» и наличие ул. Боярской свидетельствует о проживании на Экиманском посаде представителей социальной элиты.

Усадьбы евреев в XVII в. обозначены исключительно на ул. Великой одноименного посада, на отрезке между Богоявленской церковью и парканом. В XVIII в. евреи имели собственные участки на ул. Невельской, Батечковой, вне границ бывшего паркана на ул. Великой.

Таким образом, Великий и Заполотский посады Полоцка в XVI–XVIII вв. были поделены улицами, которые размещались одна от другой примерно на одинаковом расстоянии. Наиболее плотная уличная трассировка Великого посада зафиксирована по направлению запад–восток (от Верхнего и Нижнего замков в сторону паркана). Пространство между этими улицами было равно двум городским пляцам. Археологически определено, что один городской пляц в восточной части Верхнего замка в XVI–XVIII вв. занимал территорию около 100–160 м² [Дук, 2007г, с. 242]. Такая же площадь пляцев

тут существовала с XII в., когда эта территория еще была посадской. В XVI в. площадь некоторых пляцев на ул. Великой могла достигать 300 м². Это достаточно большие размеры, если учесть, что площадь пляцев магдебургского Гродно составляла в среднем от 23,7–35,5 м² до 47,4–59,25 м² [Гардзееў, 2008, с. 106]. На посадской территории Полоцка в 1553 г. упоминаются небольшие участки в один прут (прут или прент равный 4,87 м) с огородом при нем в два прута [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3, l. 276]. Суммарная площадь такого участка составляет 58,44 м².

Улицы могли быть размещены на расстоянии около 20–50 м друг от друга. Эта более плотная по сравнению с современной трассировка улиц исторического центра Полоцка соответствовала нуждам городской застройки, которая в основном была одноэтажной и деревянной. Топографические описания объектов недвижимости свидетельствуют о том, что большинство пляцев размещалось рядами вдоль улиц или на «венцах» р. Двина, Полота, Бельчица. Как правило, тыльной стороной пляцы граничили с соседним рядом застройки второй улицы.

В конце XVIII – начале XIX в. произошла значительная перепланировка города. В результате этой перепланировки часть улиц была ликвидирована. Например, название ул. Вознесенской было перенесено на другую улицу. На плане 1910 г. эта улица была размещена в меридиальном направлении. Появилась ул. Рижская, которая стала исполнять функции бывшей ул. Пробойной: связывать мост через р. Полота и ров центральной части города с его северными окраинами.

Таким образом, согласно данным письменных и археологических источников можно уверенно утверждать, что в XVII в. в Полоцке существовала разветвленная система уличной планировки, основные черты которой можно проследить с XII в. Названия основных улиц полоцких посадов являются очень устойчивыми в течение XVII–XVIII вв. (ретроспективно по названиям ул. Великой и ул. Ильинской то же можно отметить и для XVI в.). Значительная перепланировка уличной сети произошла не ранее чем в начале XIX в., что соответствовало нуждам массового каменного гражданского строительства и новым историческим реалиям развития Полоцка.